

**ЗВЕЗДЫ
НАУЧНОЙ
ФАНТАСТИКИ**

PATRICK O'LEARY

51

ЗВЕЗДЫ
НАУЧНОЙ
ФАНТАСТИКИ

ПАТРИК О'ЛИРИ

ЗОНА 51

Перевод с английского:
Сергей Карпов

Москва
Издательство АСТ

 АСТРЕЛЬ СПб

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)
О-11

Patrick O'Leary
51

Published by permission
of Tachyon Publications LLC (USA)
and JABberwocky Literary Agency, Inc. (USA)
via Alexander Korzhenevski Agency (Russia)

Перевод с английского: *Сергей Карпов*

В оформлении обложки использована
иллюстрация *Михаила Емельянова*

Дизайн обложки: *Юлия Межова*

ISBN 978-5-17-167741-1

Copyright © 2021 by Patrick O'Leary
© Сергей Карпов, перевод, 2026
© Михаил Емельянов, иллюстрация, 2026
© ООО «Издательство АСТ», 2026

Посвящается Сэнди

Тайны значат подавление, и историю часто подавляют с помощью насилия, затуманивают культурной апроприацией, намеренно уничтожают или переписывают в ходе колонизации, в многолетнем культурном газлайтинге. По определению «Википедии», «тайная история» — это ревизионистские толкования вымышленной или истинной истории, которую намеренно подавляют, забывают или игнорируют официальные историки.

Марта Уэллс.

Речь на Всемирном конвенте фэнтези 2017 года

Я рассказал вам только 5 процентов того, что случилось.

Ремонтник телевизоров.

Гость¹

---

¹ Имеется в виду фантастический телефильм о пришельцах Уильяма Шетнера Gloom Lake, 2002. (Здесь и далее, если не указано иное, — прим. пер.)

Шафер — 2018

Это случилось через год после того, как Белый дом возглавила звезда реалити-шоу.

Я ехал домой с собрания АА, слушал привязчивую мелодию цирковой каллиопы из дурацкой рекламы (ну, сами знаете эти дурацкие джунгли — я имею в виду, джинглы, — которые потом из головы не выкинешь), ехал по Кэсс-авеню, Детройт, в самую холодную зимнюю ночь за двадцать лет. По ощущениям — ниже сорока. Забавно. Следующей песней по радио шла песня «В лесу»¹ Леона Рассела. И я вспомнил, как Рассел рассказывал, что спрашивал африканского певца, как сказать на зулу «потерялся в джунглях». А тот не понял, потому что, видимо, африканцы в джунглях не теряются.

Эстакады превратились в катки — из автомобильных глушителей наверх вырывались облака влаги и мгновенно застывали, — машины всюду скользили по черному льду. Чуть приоткроешь окно в ночь — и время

---

¹ Out in the Woods, Leon Russell, 1972.

от времени слышно такой визг шин и грохот металла, будто там бунты шестьдесят седьмого, если не хуже.

Детройтские зимы легендарны — влажные, серые и грязные; поэтому мичиганцы и переезжают во Флориду. Ветер гнал пар из канализационных люков на дорогу, перед лобовым вспорхнула стайка перепуганных дроздов — и привлекла внимание к силуэту тощего бродяги впереди: парусила на ветру зеленая военная форма, над длинной седой бородой вырывалось облачками кашля дыхание, хлопали резиновые сапоги, незастегнутые и жалкие. Он помахивал чумазой белой сумкой, набитой всеми его пожитками.

Я увидел, как он споткнулся и рухнул ничком на эстакаде над I-94, и тут же остановился. Пока до него добирался, думал, он уже помер. Не повезло. Перевернул его: глаза выпученные, борода вокруг губ замерзла сосульками, будто морской огурец в литорали. Прямо демонический Санта-Клаус, а воняло, как от бара в «счастливые часы».

Высокий черный мужик, когда-то в прошлом — явно красавец.

Я его посадил и сказал, что подвезу до ближайшей ночлежки Армии спасения. До сих пор передергивает от его голоса. Я хорошо запомнил ту ночь; этот голос я не забуду никогда. Думаю о нем уже годами и сомневаюсь, что смогу его передать. Так что давайте просто процитирую человека, который сказал красивее меня. Человека, который описывал совсем другой голос в рецензии для журнала о джазе. Ллойд, пианист из под-

вального хранилища завода по разливу «Кока-Колы». Вы с ним еще познакомитесь.

«Это был ночной голос — песнь тоски, поведанная призрачной мелодией помятого саксофона в неведомой тональности музыкантом в голой съемной комнате в большом городе, — искорка среди ночи. Дымит в дешевой алюминиевой пепельнице у незаправленной постели сигарета. Пульсирует в венах алкоголь. Он сидит босым на матрасе и ласкает своего последнего друга — потертую кривую трубу из белого золота, с перламутровыми кнопками и клапанами. Его голос выдыхает через инструмент в пустую комнату, щемящий звук поднимается с дымом, и тот вьется вокруг голой лампочки на потолке».

Неудивительно, что никто не слушает бомжей — кому захочется услышать такой-то голос?

А если вам странно, что я сам себя перебиваю и даю поговорить другим голосам, так привыкайте. Это не только моя история. Целый хор чудил жаждет быть услышанным. И каждый дождетя своей очереди.

— Спасение? — пробормотал забываемым голосом старый бродяга. — Спасение?!

— Это тут рядом, — успокоил я его. Взял за загрубевшую руку и повел к машине. — В такую ночь любой бы поскользнулся.

— Я не поскользнулся, — еле шевелил языком он, хмуро таращась на свой белый мусорный пакет. — Меня толкнули!

Я открыл для него дверцу со стороны пассажира, и он одарил меня подозрительным взглядом, но все-таки

положил белый пакет на пол и подоткнул под сиденье, когда сел сам. Воняло от пакета ужасно.

— Имя-то как? — спросил он, когда мы наконец устроились в машине и он грел дрожащие руки над отоплением.

— Адам, — ответил я.

Я будто сказал «Моисей», или «Клод Рейнс», или «Спартак». Или все эти трое одновременно.

— Господи! Адам?!

— Точно, — сказал я. — Расслабься. Будем там через пять минут. — И тут же отвернулся к дороге.

Он начал сипеть/смеяться.

— Адам Паньюкко?

Я присмотрелся к нему.

— Я тебя знаю?

— Не уверен, — он рыгнул. — Помнишь мою свадьбу?

Я быстренько перебрал про себя целый список пьяных родственников — тех, кого видел только на свадьбе и больше нигде.

— Свадьбу?

Он долго и громко смеялся.

— Ага. Ты был моим шафером.

Бросили — 2018

Зовите меня Бомбой. Все так зовут.

Когда в грубых чертах того человека-горы наконец проступило знакомое лицо, я задался вопросом, не каюсь ли таким же незнакомцем ему.

Моим пассажиром оказался сам Уинстон Куп.

Уинстон Куп, мой лучший друг по колледжу. Он же — самый умный человек, что я встречал. О нем все говорили, что он далеко пойдет: знаменитость кампуса, Будущая Звезда. Выпускник с отличием. Все с отличием. Выдающийся бегун, поставил такие рекорды, что их до сих пор не побили. Уинстона Купа ждала слава, что бы он ни выбрал: языки, литература, химия, математика. А он взял, записался в армию, и отправился во Вьетнам. Наш последний контакт — когда он прислал свою статью в научном журнале. Что-то о переводе с вьетнамского.

А если подумать, я и правда припоминаю свой короткий хмельной тост на его свадьбе в Вегасе, десятки лет спустя, когда наши пути ненадолго пересеклись и мы работали в одном месте.

— Брак. Брак — это когда не умеешь жить один.

Как же все смеялись.

А потом, видимо, началась жизнь.

В общем, как и в первый вечер нашего знакомства, я привез его к себе в квартиру в детройтском пригороде. Потребовал, чтобы он принял душ. Сделал ему бутерброд, дал пару таблеток «Ибупрофена», постелил в гостиной. Он отрубился в мгновение ока и захрапел, как гроза. Сам я засыпал еще час.

Наутро я обнаружил, что многое из моей старой одежды — почти его размера. А за кофе он начал рассказывать, что с ним случилось. И уже скоро я вспомнил его манеру говорить.

От тех дней у меня остались странные отрывочные воспоминания. Его замученный голос. Пугающие шаги в комнатах, где я годами жил один. Как Куп раскладывает солитер на кухонном столе — шлепает картами по столешнице. Как Куп опирается на подоконник: глаза закрыты, греется на солнышке, будто довольный кот. Как плывут по коридорам незнакомые запахи. Как он рывкнул, когда я предложил сжечь его белую сумку с вонючими шмотками. Дрыхнувший Куп в моем кресле для отдыха перед мерцающим голубым светом телевизора. Как он до смерти меня напугал одним утром — сбрил свою санта-клаусовскую бороду и на секунду я принял его за незнакомца — точнее, решил, что его кто-то выследил.

И молчания.

Молчания я вспоминаю с облегчением. Потому что когда он говорил, его слова уничтожали все мое уютное ощущение покоя. После его слов не оставалось ничего. Мир был уже не тот, что я знал. Лишь развалины, выжженные на пути разрушений, который он проложил в стремлении свести последние счета.

В конце концов я понял, насколько он опасен, но было уже поздно — Вернулась наша дружба из прошлого. Я его уважал, я ему доверял — и да, я его любил.

И сказать по правде, я по нему скучал.

Под конец я понял, что мое единственное спасение — забыть. Выслушать его, да; не мешать, конечно, излить свою тяжелую историю, — ведь так поступают друзья. Но когда он закончил, я понял, что за угрозу он

представляет. Я надеялся, наша дружба спасет меня от воспоминаний.

Знаю, знаю: вам пока еще ничего не понятно.

Обещаю: скоро поймете.

Тут дальше будет похоже на монолог. Но на самом деле это происходило урывками, с паузами, часами молчания. Днями сна. Еды и кофе. Я смотрел, как мой старый друг собирает свою жизнь по кусочкам. Начал он с конца — или, вернее сказать, с начала своего падения.

Начал он с того, как завершился его брак.

— Самое худшее, когда тебя бросают,— что тебя вычеркивают из собственной истории. Всю жизнь живешь в этой... сказке. В самой старой истории на свете. Ты мужчина и влюблен в женщину. Вы пара. Вместе. Вместе переносите все: приключения, ошибки, глупости, грипп. Учитесь любить друг друга в самые тяжелые моменты и ранить друг друга — в самые уязвимые. Учитесь прощению. Спотыкаетесь, взлетаете. Проходите через все. Понимаешь?

Я кивнул. Казалось, я понимаю.

— Потому что, конечно, это путешествие хреновое, зато ваше. Вместе. Ты это ценишь. Целыми днями носишь в себе улыбку любимой. Иногда только это и придает сил. Воспоминание о том, чем вы были.

Он почти улыбнулся. Будто почти прикоснулся к воспоминанию о счастье, хотя от самого счастья теперь не осталось и следа.

— Вот что такое брак. И ночь за ночью узнаете истории друг друга, закрепляете связь воспоминаниями.

Вместе смеетесь. Делитесь секретами в темноте. Узнаете тайны тел друг друга — эти знакомые открытия никогда не надоедают. Будто сплетаетесь вместе, пока не становитесь единой тканью, как гобелен — как история ваших жизней. Я хоть сколько-нибудь понятно говорю?

Я сказал, что все чертовски понятно. По его лицу было видно, что натянутая паутина, уходящая в прошлое, нет-нет да звенит еще порой от удовольствия, ее дрожь еще до него доходит.

— Поездка на зеленое озеро, где она рассказала самое ужасное, что с ней случилось. Трехдневное молчание после дурацких истин, которое закончилось фантастическим сексом. Чертова дверь-сетка, которая все стучала и стучала, пока обоих не пробило на смех. Общие пустячки.

Тут он заплакал. И не мог продолжать еще два дня.

Помню, мы ушли с отвратительного фильма и сидели в холодной машине, пока она нагревалась. От дыхания запотело лобовое стекло.

К тому времени я уже не удивился, когда он ни с того ни с сего продолжил.

— Понимаешь, пока я находился внутри этой истории любви, я и не понимал, как мне повезло. Принимал самые важные вещи за должное. Я знал, зачем живу, к чему иду и за кого сражаюсь. Я был спасен.

Спасение. Опять это слово.

Лобовое стекло стало прочищаться. Куп продолжил:

— Меня часто не было дома из-за службы. За границей. И во всех приключениях по всему миру у меня в голове оставалась одна картинка, неподвижный и незыблемый факт. Но вот эта самая картинка счастливой семьи? В реальном мире она тем временем рассыпалась. Слышишь?

— Что?

— Птица.

— Вроде что-то было. Я думал, визг тормозов.

— Мне кажется, все же ворона. Обычно их в такой темени не слышно.

Какое-то время мы прислушивались к ночи.

— Ну и, может, однажды вечером,— продолжил он,— после очередной долгой поездки ты возвращаешься домой.

(Я заметил, как он перешел на второе лицо, словно это повсеместная вещь, которая может случиться с кем угодно.)

— И все меняется. Видишь в окно, как любимая говорит по телефону с кем-то еще, пока ты пьешь пиво на темном заднем дворе. Может, она превращается у тебя на глазах в прекрасное чудовище. Смеется. И ты видишь, как любовь обезоруживает ее лицо — морщинки радости, искорка предвкушения. И думаешь: точно так же она раньше смеялась со мной.

Запотевшее лобовое стекло медленно прояснялось снизу, словно поднимался занавес.

— А потом — страх. Как кошмарная песня, которую никак не выкинешь из башки.